

Научная статья

УДК 82.01/09

DOI 10.25688/2619-0656.2023.11.12

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА В РОМАНАХ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ» И А. ШТИФТЕРА «БАБЬЕ ЛЕТО»

Анна Владимировна Скворцова

Российский технологический университет (МИРЭА), Москва, Россия,
ierysalimgate@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6711-1301>

Аннотация. В статье сравниваются ценностные установки и особенности развития характеров главных героев «Обыкновенной истории» и «Бабьего лета». У Гончарова мир представлен как место борьбы. Штифтер изображает мир как нечто гармоничное. Формирование личности человека происходит, согласно Гончарову, за счет преодоления трудностей и осмысления своих ошибок, у Штифтера — через познание мира и развитие в себе способности видеть и ценить красоту. В концепции Гончарова прослеживаются славянофильские идеи «духовной целостности» личности, гармонии «ума» и «сердца», на Штифтера же повлияли идеи австрийского Просвещения, в основе которого лежало стремление облагородить человеческое естество на основе разума. Оба автора считают необходимым равновесие рационального и эмоционального начал в человеке. Но Гончаров главнейшим считает «сердце», из которого проистекают добродетели, а у Штифтера идеалом является жизнь, основанная на разумном порядке. Чувства его героев выражены слабо и подчинены господству ума. Стиль обоих авторов отличается вниманием к деталям, но у Гончарова они являются средством выражения психологии героев, а у Штифтера продиктованы стремлением к воссозданию полноты картины мира.

Ключевые слова: роман воспитания, бидермайер, духовная целостность, «ум», «сердце», соборность, архетип «блудного сына», миф о Пигмалионе.

Для цитирования: Скворцова А.В. Становление личности молодого человека в романах И.А. Гончарова «Обыкновенная история» и А. Штифтера «Бабье лето» // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 191–209. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.12>

Original article

THE FORMATION OF THE PERSONALITY OF A YOUNG MAN IN THE NOVELS OF I.A. GONCHAROV “ORDINARY HISTORY” AND A. STIFTER “DER NACHSOMMER”

Anna V. Skvortsova

Russian Technological University (MIREA), Moscow, Russian Federation,
orel121@yandex.ru, <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0001-6711-1301>

Abstract. The article compares the values and character development features of the main characters of the “A Common Story” and “Der Nachsommer”. Goncharov presents the world as a place of struggle. Stifter portrays the world as something harmonious. According to Goncharov, the formation of a person’s personality occurs by overcoming difficulties and understanding his mistakes, in Stifter – through knowledge of the world and the development of the ability to see and appreciate beauty. Both authors consider it necessary to balance the rational and emotional principles in a person. But Goncharov considers the “heart” to be the most important thing, from which virtues flow. And for Stifter, the ideal is a life based on a reasonable order. The feelings of his characters are weakly expressed and subordinated to the domination of the mind. The style of both authors is distinguished by attention to detail, but in Goncharov they are a means of expressing the psychology of the characters, and in Stifter they are striving to recreate the completeness of the picture of the world.

Keywords: the novel of upbringing, Biedermeier, spiritual integrity, “mind”, “heart”, conciliarity, the archetype of the “prodigal son”, the myth of Pygmalion.

For citation: Skvortsova A.V. (2023). The formation of the personality of a young man in the novels of I.A. Goncharov “Ordinary History” and A. Stifter “Der Nachsommer”. In: *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. Chief editor S.A. Vasil’ev; publishing editor I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 191–209 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.12>

© Скворцова А.В., 2023

Введение. Оба романа относятся к жанру романа воспитания и были написаны в период 40–50-х годов XIX века («Обыкновенная история», 1844; «Бабье лето», 1857). Тогда на русскую культуру большое влияние оказывали идеи немецких мыслителей. С работами Гегеля, Шеллинга и Гёте Иван Александрович Гончаров был знаком еще в пору обучения

в Московском университете. Они же в значительной степени определили и мировоззрение Адальберта Штифтера — австрийского прозаика, поэта, художника и педагога.

В литературоведении были попытки сопоставлять творчество Гончарова и Штифтера. Так, А.В. Михайлов отмечал присущую обоим писателям «эпическую медлительность» [Михайлов 2000: 394]. Н.Э. Сейбель, анализируя их воспитательные концепции, обратила внимание на то, что главным героям «Обломова» и «Бабьего лета» свойственно «выпадение из настоящего» [Сейбель 2004: 55].

Основная часть. Гончарова и Штифтера роднит схожая творческая манера — спокойствие, уравновешенность, интерес к светлым сторонам человеческой природы. Оба автора уделяют сугубое внимание деталям, что является особенностью как эстетики бидермайера [Лошакова 2011: 231], так и натуральной школы, из которой вышел Гончаров.

Эпическое мышление подразумевает акцент на общем, а не на частном, на типичном, а не на индивидуальном. Гончаров назвал свою историю «обыкновенной», чем подчеркнул ее повторяемость, заурядность. Штифтер тоже описывает своего героя с минимумом конкретных черт, даже имя Генриха читатель узнает лишь ближе к финалу. По словам Белинского, «действующие лица эпопеи должны быть полными представителями национального духа» [Белинский 1948: 36].

Следовательно, сопоставив романы Гончарова и Штифтера, можно выделить универсальные закономерности развития личности в условиях русской и австрийской действительности, ведь в каждой культуре заложен определенный идеал, на основе которого формируется человек и общество в целом.

Сравним жизненные пути русского и австрийского героев, чтобы выявить этот идеал. Обратимся к целям, которые ставят перед собой молодые люди, начиная самостоятельную жизнь.

Александр мечтает «о пользе, которую принесет отечеству», «о славе писателя» и о любви — «колоссальной страсти, которая не знает никаких преград и свершает громкие подвиги» [Гончаров 1959, т. 1: 15]. Когда встал вопрос о будущем Генриха, отец назначил ему «быть ученым вообще» [Штифтер 1999: 27]. Подразумевалось, что Генрих продолжит заниматься науками до тех пор, пока не станет ясно его призвание. По мнению его отца, человек, не обретший своего места в мире, не может принести общественную пользу.

Обращает на себя внимание различная аксиология героев: ценности Александра связывают его с другими людьми, Генрих же погружен в свои научные изыскания.

Для Александра огромное значение имеют любовь и дружба. В Петербурге он посещает вечера, после которых не может уснуть: ему мерещится «то талия, которой он касался руками, то томный продолжительный взор,

который бросили ему, уезжая, то горячее дыхание, от которого он таял в вальсе...» [Гончаров 1959, т. 1: 59]. Александр обижается на дядю за то, что тот «не согрел его горячими объятиями дружбы» [Там же: 43], восхищается поступком Поспелова, скакавшего целые сутки, чтобы сказать ему «последнее прости» [Там же: 24].

Генрих же не ищет любви — она приходит к нему сама. «Общение мое ограничивалось молодыми мужчинами. Но старшим, как и девушкам, я себя не навязывал» [Штифтер 1999: 355]. Герой «Бабьего лета» подчеркнуто целомудрен. Если его знакомые отпускали вольное замечание о какой-то девушке, «он краснел, и ему казалось, что обидели его сестру» [Там же: 148]. Генрих умел замечать красоту женских лиц, но, когда ему указали на то, что при рисовании он всегда делает наброски девичьих головок, он устыдился и стал рисовать мужчин [Там же: 156].

Первоначально Генрих изучает людей ради любознательности. Он смотрит на мир с позиции наблюдателя: «Я знакомился с людьми из высшей аристократии, смотрел, как они двигаются, как держатся друг с другом и как ведут себя с теми, кто не принадлежит к их сословию» [Там же: 267].

Впоследствии у него появляются друзья, например сын ювелира, но и тогда он уделяет общению меньше времени, чем другие молодые люди, предпочитая свою семью и близких Ризаха [Там же: 356]. Когда ровесники доверяли Генриху «свои сокровенные мысли», он воспринимал это как нечто «несерьезное» [Там же: 147–148].

Александр сблизается с людьми резко и сразу, не успев их как следует узнать. У Генриха узнавание предшествует сближению, причем очень неторопливому.

Александр открыт всем, кто ему встречается, видя в каждом потенциальную «родственную душу» (такая вот «всемирная отзывчивость»), Генрих же довольствуется узким кругом лиц, не проявляя к ним излишнего любопытства.

Образ познания героями мира также различен. Александр «бросается» в жизнь сразу, узнает ее такой, какая она есть, результатом чего являются его болезненные потрясения. Совершая ошибку за ошибкой, страдая вновь и вновь, он анализирует происходящее, что является стимулом для внутренней работы. Особенностью его развития является отсутствие наставника, «который приготовил бы его на борьбу» [Гончаров 1959, т. 1: 16]. Когда же такой наставник, в лице дяди, появился, с ним сразу же началось противостояние героя. Гончаров предлагает взгляд на жизнь как на борьбу и подтверждает это на художественно-образном уровне.

Генрих же исследует мир постепенно. Процесс познания заключается в постоянном возвращении к одному и тому же — месту, предмету, образу, человеку. Генрих всматривается в суть вещей и явлений, всё более углубляясь. Сначала он воспринимает их непосредственно в общих чертах, затем

осознанно погружается в частности. «Содержание образования подается ему поэтапно в соответствии с его способностями к пониманию: от простого и осмысленного до сложного и духовного» [Ursula 1979: 41]. Раз за разом в привычном и знакомом ему открывается нечто новое.

Важной особенностью постижения Генрихом мира является недопущение пробелов в познании. По мнению Л.Н. Полубояриновой, эта черта свойственна и стилистике романа: «Даже при поверхностном чтении романа в глаза бросается поразительная привязанность Штифтера к описанию однородных, сплошных, непроницаемых поверхностей» [Полубояринова 1991: 100]. Стена дома была покрыта розами так, чтобы между цветами не было промежутка, в саду пространство между деревьями заполняли грядками с овощами, пространство между грядками – кустиками земляники. Вот и Генрих совершенствуется сразу во всех доступных ему областях наук, стараясь, чтобы процесс этот был непрерывным.

На своем пути Генрих не сталкивается с несчастьями. Мир явлен в романе как нечто гармоничное; развитие человека заключается в приобщении к этой гармонии. В «Бабьем лете» нет конфликта «отцов и детей», возрастание Генриха происходит под влиянием достойных представителей предыдущего поколения, от которых он воспринимает всё лучшее.

Александр стремится к славе – Генрих ее не ищет. Приобретая опыт естествоиспытателя, Генрих не пытается обнародовать результаты своих трудов. Он рисует, занимается живописью, игрой на цитре не с целью сделаться известным или получить похвалу, но ради того, чтобы точно отразить увиденное или передать собственные ощущения. Он интересуется мнением о своем творчестве только некоторых лиц и спокойно воспринимает критику, в отличие от Александра, которого неодобрительный отзыв редактора о его прозе надолго погрузил в уныние.

Личностные особенности героев отчасти обусловлены домашним воспитанием. Александр рос безмятежно: «мать лелеяла и баловала его, как балуют единственное чадо, нянька всё пела ему над колыбелью, что он будет ходить в золоте и не знать горя; профессоры твердили, что он пойдет далеко, а по возвращении его домой ему улыбнулась дочь соседки» [Гончаров 1959, т. 1: 15]. Это сделало Александра впечатлительным и доверчивым, создало у него ощущение, что мир – дружелюбное и безопасное место, где люди подстраиваются под его желания.

В доме отца Генриха царил строгий порядок: «Отец вообще не терпел ни в какой комнате следов чьего-либо пребывания в ней, каждая убиралась так, словно это парадный покой» [Штифтер 1999: 22]. При таком подходе человек занимает вторичное, по отношению к порядку, место и воспринимается как источник угрозы, способный этот порядок нарушить. «Каждая вещь и каждый человек, твердил он [отец], может быть чем-то одним, но уж этим он обязан быть целиком» [Там же: 22]. У лю-

бого человека или предмета есть определенный набор функций, при этом не ясно принципиальное различие между человеком и предметом.

Детям запрещалось входить в комнату родителей и посещать театр, потому что от него «непосильно возбуждается воображение» [Там же: 149]. Большое значение имело обучение разумному распоряжению деньгами: «Я должен был жить в доме родителей и столоваться у них. За это была назначена плата, которую я вносил каждую четверть года» [Там же: 33].

Но, несмотря на правила, для ребенка сохранялась свобода: «С ранней юности ты видел, что я не вмешиваюсь в твои дела. Действуй самостоятельно и бери на себя последствия», — говорит Дрендорф-старший сыну [Там же: 445]. Однако возможность выбора предоставлялась молодым людям лишь тогда, когда было ясно, что они распорядятся ей благоразумно.

С такой же регламентацией жизни Генрих сталкивается в доме Ризаха: «Я положил книгу на соседнее кресло и приготовился выйти. Но он взял книгу и поставил ее на место. — Простите, — сказал он, — у нас так заведено: книги, стоящие на этажерке для того, чтобы тому, кто отдыхает или еще почему-либо находится здесь, было при случае или желании что почитать, — книги эти после чтения ставятся на место, чтобы комната сохраняла подобающий ей вид» [Там же: 55]. Ризах не разрешал своему приемному сыну Густаву читать подряд все книги Гёте, полагая, что тот мог наткнуться на что-нибудь «несвоевременное».

В этой среде человека с детства подчиняли понятию нормы. «Эта черта, строгая точность, запала нам в душу и заставляла нас исполнять родительские наказания, даже если мы и не понимали их» [Там же: 22]. Господствующим мотивом поведения Генриха является установка на правильные действия. Он так привык к внутренней упорядоченности, что всё живое, спонтанное, эксцентричное не находит места в его душе: «Собственные чувства запрятаны так глубоко, что, кажется, неведомы и самому герою» [Павлова 2005: 50].

В «Бабьем лете» мало психологизма. Это сознательная установка автора — показывать внутренний мир героев через их поступки. Штифтер считал для себя запретным «вторгаться в сокровенные уголки их душ» [Там же: 50]. Эпический стиль подразумевает абстрагирование. Отсюда — некоторая схематичность обрисовки личности героя (мы не знаем даже внешности Генриха). Точно так же Гончаров в начале романа общими чертами описывает облик Александра: «Белокурый молодой человек во цвете лет и здоровья» [Гончаров 1959, т. 1: 12]. Тем не менее индивидуальность Александра представлена ярко — бурная душевная жизнь, сильные проявления эмоций.

Следовательно, слабая выраженность чувственного начала в Генрихе кроется не только в особенности стилистики романа. Черты характера

героев порождены средой, их воспитавшей, а среда определяется национальными культурными особенностями.

Личность Александра в полной мере отражает искания славянофилов, которые были широко представлены в интеллектуальной жизни России 40-х годов XIX века.

Как известно, Белинский был недоволен эпилогом романа Гончарова, считая, что романтики, подобные Александру, никогда не становятся «положительными» людьми. Лучше и естественней автору было бы дать ему «заглохнуть в деревенской дичи в апатии и лени» или «сделать его мистиком, фанатиком, сектантом, но всего лучше — славянофилом» [Белинский 1958: 51].

Что же «славянофильского» увидел знаменитый критик в личности молодого Адуева?

Александр не мыслит себя обособленно от окружающих. Жизненный успех он так и называет — «выйти в люди» [Гончаров 1959, т. 1: 243]. Это восходит к славянофильской концепции «соборности». Обычно романтики скрываются от мира в «пустынном уголке», Александр же не удаляется от общества, а стремится стать его частью: он не любит переживать впечатления в одиночку. В Петербурге его огорчает безразличие людей друг ко другу. Он противопоставляет этому нравы своего губернского города, где «каждая встреча, с кем бы то ни было, почему-нибудь интересна» [Там же: 36].

Для славянофилов средоточием всех духовных сил человека является *сердце*. Из него проистекает способность относиться к миру с любовью и теплотой. В «Обыкновенной истории» термин «сердце» используется многократно.

По мнению Александра, сердечность важнее практической пользы. Про дядины советы он говорит, что «пусть они лучше будут недельны, но полны теплого, сердечного участия» [Там же: 43]. Сердечная вовлеченность в жизнь породила в нем отвращение к формализму, с которым он столкнулся в департаменте. Ему претит всякого рода стандартизация жизни. Например, однотипные речи и поведение светских красавиц: «И движения, и взгляды — всё одинаково: не услышишь самородной мысли, ни проблеска чувства...» [Там же: 60].

Сердечность Александра проявляется в присущем ему чувстве такта: «Он не навязывается, не ходит ко мне без зову; и когда заметит, что он лишний, тотчас уйдет», — сказал про него дядя своему компаньону [Там же: 42]. Александр наделен способностью к эмпатии. Юлия Тафаева была впечатлена разговором с ним. «— Как вы угадали меня, — сказала Тафаева Александру при прощанье. — Из мужчин никто, даже муж, не могли понять хорошенько моего характера» [Там же: 164].

Александр думает обо всех людях хорошо, легко дает деньги взаймы: «Какой прекрасный человек мой столоначальник, дядюшка!» [Там же: 57]. Молодой Адуев склонен к жертвенности, пусть только на словах, он готов «посвятить любимой женщине жизнь, лежать у ее ног, воспринимать как закон каждое ее слово» [Там же: 129].

Однако, при всех достоинствах его личности, она не вполне вписывается в славянофильский идеал.

Соборность представляет собой единение такого рода, когда «силы всех принадлежат каждому, а силы каждого всем» [Хомяков 1988: 55].

Про Александра же не сказано, что он о ком-то заботился, дарил кому-то подарки (кроме цветов Юлии). Наоборот, люди что-то дарят ему или чем-то жертвуют ради него.

Концепция славянофилов подразумевала необходимость «духовной целостности» человека. Целостность личности и свобода от страстей – обязательное условие «зрящего разума», который приобретает способность проникновения в подлинную сущность предметов и явлений.

Александр же не мог управлять своим эмоциональным состоянием: «У него ум нейдет наравне с сердцем», – сказала Лизавета Александровна [Гончаров 1959, т. 1: 135]. Например, Александр понимал Юлию Тафаеву только в силу своей психологической родственности с ней; как только их душевное состояние перестало совпадать, начался разлад.

Однако свобода от страстей, по Гончарову, достигается не тем путем, который предлагает Петр Адуев, – «закрывать клапан», когда чувства рвутся наружу. Этот путь скорее героев Штифтера.

Добротель в художественном мире Штифтера является исходной данностью, все герои романа – прекрасные люди. При своей погруженности в науки Генрих замечает окружающих, свое расположение к ним выражает подарками или вознаграждениями.

Тем не менее люди и вещи странным образом уравниваются в его восприятии. «Порой я надолго задерживался в маленьких селениях и наблюдал за людьми, за их каждодневным трудом, за их чувствами, их речью, их мыслями, их пеньем. Я познакомился с цитрой, рассмотрел, исследовал ее, слушал, как на ней играют и как поют под нее», – эти две фразы находятся рядом, словно люди и цитра – предметы одного порядка [Штифтер 1999: 42].

Даже в тех ситуациях, которые предполагают проявление сердечного начала, Генрих смотрит на всё применительно к саморазвитию. Находясь вдали от родных и переписываясь с ними, он воспринимает это как повод для упражнения в эпистолярном искусстве: «...я занимался этим охотно, радуясь, что во мне постепенно растет способность изображать и повествовать» [Там же: 34]. Скорбя над убитым охотниками оленем, он делает вывод: «за животными я дотоле не наблюдал, хотя описания таковых усердно читал и заучивал» [Там же: 41].

Особенности характера и мировосприятия Генриха можно связать с господствующими философскими установками того времени, воплотившимися в творчестве Штифтера. Прежде всего, это идеи австрийского Просвещения. Еще в эпоху реформ Иосифа II (1780–1790) на австрийскую культуру определяющее влияние стали оказывать концепции Лейбница, Вольфа, Больцано, Гердера [Черепанова 2013: 52].

Согласно Лейбницу, мир состоит из монад, множества субстанций. Каждая монада обладает способностью к саморазвитию, и на нее не влияют остальные монады, чем можно объяснить самодостаточность Генриха. Монада существует так, как будто в мире есть лишь она одна. Она только действует, но ничего не воспринимает, «не имеет окон», поступает, исходя из себя самой.

Монады обладают сознанием, которое присуще как человеческой душе, так и материальным телам, с чем может быть связана некоторая «уравненность» людей и вещей в сознании Генриха. Монада постигается не чувствами, а разумом, отсюда стремление Генриха всё измерить, классифицировать, подвергнуть рациональному объяснению.

Согласно Лейбницу, мы живем в лучшем из возможных миров, на чем он основывал свою теодицею. Из этого может вытекать оптимистическое понимание мира Штифтером. Каждая монада знает лишь себя и свои представления, однако эти представления заложены в нее Богом, поэтому действия всех монад находятся в гармонии друг с другом. «Предустановленный порядок» является системообразующим, точно так же он организует жизнь в доме родителей Генриха, в имении Ризаха и в художественном мире «Бабьего лета».

Лейбниц учил о возможности гармонии природного и божественного, научного и метафизического. У Штифтера превалирует естественнонаучный подход к природе, тем не менее он признавал наличие в ней таинственных начал, которые время от времени вторгаются в мир человека. Очень часто события в судьбе его героев происходят под действием неконтролируемых потусторонних сил, что сопровождается грозой и другими атмосферными явлениями.

Больцано — еще один идейный вдохновитель австрийского Просвещения, происходивший, как и Штифтер, из Богемии, — скорректировал учение Лейбница, придав монадам больше самостоятельности. По его мнению, «индивидуальные субстанции» могут влиять друг на друга, благодаря их способности к активной деятельности. Активной деятельностью и занимаются герои Штифтера, неустанно совершенствуя себя и окружающий мир.

Большое влияние на формирование австрийской философии оказал Гердер. Вслед за Лейбницем он предполагал наличие общего принципа, который определяет развитие как природы, так и человеческой истории.

«Народы, населяющие Землю, подчиняются тем же законам, что и растения, животные» [Черепанова 2013: 58]. Вот и Штифтер основой жизни на земле считал всеобщий «кроткий закон». Этим и объясняются уважительные, даже несколько церемониальные отношения героев «Бабьего лета» друг к другу.

Оба героя – Александр и Генрих – меняются на протяжении сюжета. Пережив крушение надежд, Александр возвращается в деревню, где осмысляет пройденный путь. Он пишет в Петербург исполненные умиротворения письма, из которых видно, что он приобрел умение критично относиться к самому себе и менее требовательно к окружающим: «...к вам приедет не сумасброд, не мечтатель, не разочарованный, не провинциал, а просто человек, каких в Петербурге много и каким бы давно мне пора быть» [Гончаров 1959, т. 1: 315]. Это момент наиболее гармоничного состояния личности Александра. Хотя впоследствии он не удержался на достигнутой высоте.

Генрих тоже проходит свой «курс обучения». Сначала он смотрел на мир глазами естествоиспытателя. Постепенно восприятие Генриха расширяется от ориентированного на естественнонаучные объяснения к эстетическому взгляду на природу. В какой-то момент ему открывается подлинная красота античной статуи на площадке лестницы в доме Ризаха (в свой первый визит он заметил только физическое преломление света, падающего на нее). Он становится способным оценить художественное достоинство картин в коллекции своего отца, которое ранее не понимал.

Его развитием ненавязчиво руководит Ризах. Как только Генрих впервые появился в его доме, барон ввел его в комнату отдыха и оставил на время одного. Вскоре Генриху показалось, что сидит он не в помещении, а на открытом воздухе в тихом лесу. Несоответствие факта и ощущения заставило его искать объяснение этому. Но как только он его нашел, большая часть приятности ощущения исчезла. Это был первый урок того, что не всегда надо стремиться к истолкованию мира – иногда стоит просто отдаться созерцанию [Штифтер 1999: 54].

Именно Ризах посоветовал Генриху одно лето не заниматься привычными исследованиями, согласно четкому распорядку, а жить, руководствуясь спонтанно возникающими побуждениями. Так Генрих постепенно уходит от «одержимости порядком» – ограничений, наложенных на него воспитанием, приобретая большую цельность натуры.

Однако от «физического» взгляда на мир Генрих так и не освобождается. Свою возлюбленную он сравнивает с предметами неодушевленными – с жемчужиной, с античной статуей, с изображениями на камнях из коллекции своего отца. «В моменты, когда Генрих любит Наталью, возлюбленная предстает ему в художественной форме, аналогично вещи, которую можно рассматривать со всех сторон. Эта Наталия больше не яв-

ляется никаким человеком, а становится олицетворением художественного идеала, который принял человеческую форму» [Lindau 1974: 73–74]. Генриха привлекают не столько реальные люди, сколько идеальное начало человека, воплощенное в сотворенных вещах [Штифтер 1999: 149].

Вернувшись к родным сообщить о своей помолвке и пересказав им полную драматизма историю жизни Ризаха, Генрих говорит, что «привез отцу нечто, очень его обрадовавшее». Предметом радости оказался способ изготовления средства, препятствующего протеканию воды между стеклами, чтобы вода не проникала в теплицы [Там же: 577].

Штифтер сознательно изгоняет страсти из своего художественного мира. Его роман «исповедует эстетику сдержанности, уравнивания крайностей, опосредования противоположностей» [Михайлов 1997: 353]. Стихийные порывы должны контролироваться разумом. Но «разумно дозированная любовь», уравновешенная «порядком и смыслом» [Сейбель 2005: 196–187] несет в себе нечто безжизненное. У одного из зарубежных исследователей есть сравнение романа Штифтера с «натюрмортом» [Sebald 1985: 236]. Так, в «Обрыве» Райский уподобил «кладбищу» дом исполненной самообладания Софьи Беловодовой, не выходящей из послушания тетушкам [Гончаров 1959, т. 5: 25]. Дом Ризаха Штифтер называет «домом роз». Как пишет Е.Р. Иванова, «цветочная поэтика» в бидермайере «играет роль емкой метафоры, дополняющей и оттеняющей смысл текста» [Иванова 2023: 94]. Роза – античный и христианский символ, в котором соединены любовь и смерть. По словам А.Н. Веселовского, «в Германии еще и теперь удержалось название Rosengarten для кладбища» [Веселовский 1898: 2].

Согласно Гончарову, добродетели должны принадлежать не разуму, а сердцу, свободно проистекать «из светлого человеческого начала», а продиктованные соображениями практичности, они лишаются «теплоты и прелести» [Гончаров 2018: 52–53].

Штифтер тоже полагал, что добродетель имеет «собственную красоту», к которой «стремятся благородные души» [Штифтер 1999: 29]. Однако своих героев он ставит в такие условия, которые не оставляют им выбора. В идеальном мире свобода оказывается ненужной. Круг чтения Густава определялся его приемным отцом, и Генрих ни разу не видел, чтобы мальчик потянулся к какой-либо другой книге, хотя они стояли перед ним на полке [Там же: 171].

Естественные порывы личности обладают как разрушительным, так и созидательным потенциалом. Если не давать им свободно проявляться, в человеке можно приглушить самостоятельное творческое начало. В борьбе со страстями есть риск уничтожить чувства как таковые, в жертву порядку и правильности принести саму жизнь, заменив естественное искусственным.

В трилогии Гончарова есть «безгрешные» герои, не действующие за пределами установленных рамок, но они «менее ярки и талантливы», чем те, которые в силу своей импульсивности оказываются «на обрыве», но исправляют ложное направление своей воли [Мельник 2015: 129].

Этика сдержанности предохраняет человека от непоправимых шагов. Сильное чувство едва не сломало жизнь влюбленного Александра: «Служба, журнальные труды – всё забыто, заброшено» [Гончаров 1959, т. 1: 87]. Но как восклицает Лизавета Александровна: «О, пусть я купила себе чувство муками, пусть бы перенесла все страдания, какие неразлучны с страстью, но лишь бы жить полной жизнью, лишь бы чувствовать свое существование, а не прозябать!» [Там же: 130].

Как и Штифтер, Гончаров ценил уравновешенность. По словам Мержковского, «в отличие от Достоевского, Гончаров не любил психопатологии, не изображал резких движений больной души: творческий взор его устремлен был к нормальным и светлым сторонам человеческого сознания» (цит. по: [Цейтлин 1950: 395]). Но, согласно Гончарову, нормы бытия, основанные на внешних по отношению к личности правилах, не могут быть благом, даже если оберегают от вредоносных влияний и деструктивного действия страстей. Этим опровергается установка просветительской философии.

В пору работы Гончарова над «Обыкновенной историей» в российском обществе шла дискуссия о Жорж Санд. Ее роман «Лукреция Флориани» вышел в год публикации «Обыкновенной истории» сразу в двух переводах. О нем спорили Гончаров и Белинский. Гончаров доказывал, что «нельзя признать “богиней” женщину, которая настолько не владеет собой, что переходит из рук в руки пятерых любовников», в ответ на что Белинский нападал на него, называя «немцем», «филистером», упрекая в том, что он желает, чтобы «Лукреция Флориани, эта страстная, женственная фигура, превратилась в чиновницу» [Белинский 1958: 327].

Однозначно осуждая «жоржсандизм», Гончаров, однако, не одобряет метод борьбы с ним в виде упорядочивания жизни настолько, чтобы из нее исчезли самобытные проявления человеческой природы, пусть даже иногда увлекающие на ложный путь.

Гибельность чрезмерного рационализма Гончаров показал на примере Петра Адуева, у которого чувства находятся под деспотическим правлением ума, к чему он неоднократно призывал и племянника. В итоге Петр Иванович чуть не погубил свою жену, став причиной ее душевной апатии.

К проблеме «страсти» Гончаров обратился впоследствии в романе «Обрыв», трактуя страсть как гибельное, опасное состояние. Вместе с тем именно страсть дает истинное понимание жизни – преодолев ее, человек становится мудрее. Как бы Штифтер ни пытался удалить от своих героев страстность и чувственность, тихое счастье Ризаха и Матильды оказалось

возможным, потому что в его основе лежали отгоревшие страсти: «Без них безжизненно было бы это спокойствие, без знойного лета не было бы того, что за ним следует, — осени, бабьего лета, Nachsommer» [Павлова 2005: 55]. А из мира Генриха оказалась вытесненной реальная жизнь — опасная и непредсказуемая. Возможно, поэтому дважды в романе на пике личного счастья он ощущает некоторую неудовлетворенность и задается вопросом: «есть ли что-то еще, что наполняет жизнь гораздо бóльшим счастьем» [Штифтер 1999: 33].

Бóльшее счастье существует лишь за пределами утопии.

Однако мир «Бабьего лета» не замкнутый. В нем есть возможность развития. За счет постоянного повторения одного и того же на каком-то этапе количество повторов порождает новое качество бытия. Это оставляет возможность для дальнейшей эволюции личности Генриха.

По мнению Н.С. Павловой, особенностью австрийской культуры является «ощущение зыбкости жизни», которое копится «под покровом порядка» [Павлова 2005: 18].

В «Обыкновенной истории» и «Бабьем лете» по-своему преломляется античный миф о Пигмалионе.

Адуев-старший является анти-Пигмалионом, под действием которого происходит не оживление, а окаменение его жены и племянника [Строганова 2008: 215–222].

Мотив «ожившей статуи» — ключевой для Штифтера. Сначала усилиями Ризаха из-под слоя гипса появляется античный подлинник, затем статуя открывается однажды грозовой ночью Генриху в ее красоте, а после «воплощается» в его жизни в образе возлюбленной Натальи.

«Измененный взгляд Генриха оживляет статую пигмалионовским взглядом. Она становится для него живой фигурой. Статуя превращается в гомеровскую Навсикаю. <...> Красота Навсикаи — это то, что вводит в культуру испачканного грязью “странника”, только что избежавшего опасностей моря. Навсикая дает ему вымыться, протягивает одежду. Во время встречи Навсикаи и Одиссея происходит культурное возрождение. Из варвара Одиссей превращается в прекрасного человека. Так и Генрих из невежественного в искусстве (и связанной с ним гуманностью), то есть варвара, превращается в зрячего человека. Зрячий, как говорит “Бабье лето”, способен любить» [Wiedermann 2009: 148].

Сопоставляя стилистику обоих романов, остановим внимание на отношении авторов к деталям. Стиль Гончарова иногда сравнивают со стилем фламандских живописцев. «Всё во Вселенной живет единой, согласованной жизнью, как части одного целого. Поэтому-то предметы обстановки, отдельные детали внешности, животные так же важны писателю, как переживания, мысли и чувства персонажей» [Краснова 2000: 50–51].

Стиль Штифтера тоже отличается детальными описаниями вещественного мира. «Художественное мышление автора не терпит дискретности или пустоты. Автору претит “перерыв постепенности” в любом своем обличье» [Полубояринова 1991: 101]. Это выражается в стремлении к целостности и совершенству.

Таким образом, эпическое мышление обоих писателей побуждает создавать объемную картину мира. Отличие в том, что для Гончарова детали являются прежде всего отражением личности персонажа, а у Штифтера максимально подробные описания продиктованы представлением о правильном устройстве мироздания и способе его познания. У одного преобладает антропологический аспект, у другого — онтологический и гносеологический.

Когда речь заходит о психологии героев, Гончаров избегает пространственных описаний материальных предметов и «стремится уловить переливы чувств». Об антропоцентризме предметной детали у Гончарова писала, например, Е.Г. Лебедева [Лебедева 2023: 363–367]. У Гончарова не человек «не опускается до уровня бессловесной твари, мебели или домашней вещи», а, наоборот, «мелочи быта поднимаются до человека» [Краснощекова 1997: 50–51].

Выводы. Итак, становление личности главного героя романа Гончарова происходит путем страданий и осмысления собственных ошибок. Для героя Штифтера развитие состоит в познании мира и воспитании чувств. Различие между героями обусловлено не столько индивидуальными особенностями характеров, сколько особенностями национальных культур. В концепции Гончарова прослеживаются славянофильские идеи «духовной целостности» личности, гармонии «ума» и «сердца», на Штифтера же повлияли идеи австрийского Просвещения, в основе которого лежало стремление облагородить человеческое естество на основе разума. Оба автора считают необходимым равновесие рационального и эмоционального начал в человеке. Но Гончаров важнейшим считает «сердце», из которого проистекают добродетели, а у Штифтера идеалом является жизнь, основанная на разумном порядке. Чувства его героев выражены слабо и подчинены господству ума. Согласно позиции Штифтера, внешняя регламентация жизни приводит к внутренней упорядоченности личности. Согласно позиции Гончарова, напротив, внутренняя упорядоченность личности, достигнутая духовным усилием, приводит к внешней упорядоченности жизни.

Источники

Гончаров И.А. Обрыв // *Гончаров И.А. Собр. соч.:* в 6 т. Т. 5. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959.

Гончаров И.А. Обыкновенная история // Гончаров И.А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959.

Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. СПб.: Азбука: Азбук-Аттикус, 2018. 796 с.

Штифтер А. Бабье лето. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 616 с.

Литература

Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Гончаров И.А. в русской критике: Сб. ст. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. С. 27–52.

Белинский В.Г. Разделение поэзии на роды и виды // Белинский В.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. II: Статьи и рецензии. 1841–1845. М.: ОГИЗ; ГИХЛ, 1948. С. 294–249.

Веселовский А.Н. Из поэтики розы // Привет. Худож.-литерат. сб. СПб.: Изд-во о-ва вспомоществования нуждающимся ученицам Василеостровской гимназии в Петербурге, 1898. С. 1–5.

Иванова Е.Р. Флоропоэтика бидермейера и ее трансформация в повести Штифтера // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. 2023. Сер. 2: Искусствоведение. Филологические науки. № 3. С. 91–97.

Краснова Е.В. Фламандский стиль Обломова: мотив «еды» и его функции в романе «Обломов». М.: Первое сентября, 2000.

Краснощекова Е.А. И.А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 526 с.

Лебедева Е.Г. Антропоцентризм предметной детали в романе И.А. Гончарова «Обрыв» // Матер. VII Междунар. науч. конф., посв. 200-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологии продвижения, 2023. С. 363–367.

Лошакова Г.А. Ч. Силсфилд, А. Штифтер как прозаики австрийского бидермайера // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Филология и искусствоведение. 2011. № 4. С. 229–235.

Мельник В.И. Эволюция этических представлений и феномен «воли» в антропологии И.А. Гончарова // Вестник славянских культур. 2015. № 2 (36). С. 123–135.

Михайлов А.В. Варианты эпического стиля в литературах Австрии и Германии // Михайлов А.В. Языки культуры. М.: Язык русской культуры, 1997. С. 339–376.

Михайлов А.В. Иоганн Беер и И.А. Гончаров. О некоторых поздних отражениях литературы барокко // Михайлов А.В. Обратный перевод. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 378–404.

Павлова Н.С. Природа реальности в австрийской литературе. М.: Языки славянской культуры, 2005. 312 с. (Studia philological).

Полубояринова Л.Н. Роман А. Штифтера «Бабье лето» (К проблеме соотношения индивидуального стиля и стиля эпохи) // Литература в контексте художественной культуры. Новосибирск: Изд-во Новосиб.ун-та, 1991. Вып. 1. С. 99–108.

Сейбель Н.Э. Австрийская параллель: А. Штифтер, Г. Брех, Р. Музиль. Монография. Челябинск: Челябинский гос. пед. ун-т, 2005. 290 с.

Сейбель Н.Э. Воспитательные концепции А. Штифтера, Г. Флобера и И.А. Гончарова в романах 1856–1858 годов // Филологический класс: Региональный методический журнал учителей-словесников Урала. 2004. № 11. С. 39–46.

Строганова Е.Н. Миф о Пигмалионе в романной трилогии И.А. Гончарова // Матер. Междунар. науч. конф., посв. 190-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск: Ника-дизайн, 2008. С. 215–222.

Хомяков А.С. О старом и новом // Хомяков А.С. Статьи и очерки. М.: Современник, 1988. 461 с.

Цейтлин А.Г. И.А. Гончаров. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 492 с.

Черепанова Е.С. «Запоздалое» Просвещение в Австрии: философское влияние Г.В. Лейбница, И. Канта, И.Г. Гердера // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2013. Вып. 2. С. 51–60.

Sebald W.G. Die Beschreibung des Unglücks. Zur österreichischen Literatur von Stifter bis Handke Theorie. Salzburg, Wien: Residenz Verlag, 1985. 689 s.

Lindau M.-U. Stifiers “Nachsommer”. Ein Roman der verhaltenen Rührung. Bern: Francke Verlag, 1974. 154 s.

Ursula N. Adalbert Stifter. Stuttgart: Metzler, 1979.

Wiedermann E.S. A. Stifiers Kosmos. Frankfurt am Main: PeterLand, 2009. 255 s.

References

Istochniki

Goncharov I.A. (1959). *Obyknovennaya istoriya* [A Common Story]. In: *Sobranie sochinenij v 6 t.* [The complete works in 6 vol.]. Vol. 1. Moscow: Gos. izd-vo hudozh. lit. (In Russ.)

Goncharov I.A. (1959). *Obryv* [The Precipice]. In: *Sobranie sochinenij v 6 t.* [The complete works in 6 vol.]. Vol. 5. Moscow: Gos. izd-vo hudozh. lit. (In Russ.)

Goncharov I.A. (2018). *Fregat “Pallada”*. *Oчерки puteshestviya*. [Frigate “Pallada”. Travel essays]. Sankt-Petersburg. 796 p. (In Russ.)

Shtifter A. (1999). *Bab'e leto* [Der Nachsommer]. Moscow: Progress-Tradicija. 616 p. (In Russ.)

Literatura

Belinskij V.G. (1958). *Vzglyad na russkuyu literaturu 1847 goda* [A look at Russian literature in 1847]. In: *Goncharov I.A. v russkoj kritike: Sbornik statej* [Goncharov I. A. in Russian criticism: A collection of articles]. Moscow: Gos. izd. hudozh. lit. Pp. 27–52. (In Russ.)

Belinskij V.G. (1948). *Razdelenie poe'zii na rody' i vidy'* [Division of poetry into genera and species]. In: *V.G. Belinskij. Sobranie sochinenij: v 3 t.* [Collected works in 3 vol.]. Vol. II: Stat' i i recenzii. 1841–1845. Moscow: OGIZ, GIXL. Pp. 294–249. (In Russ.)

Veselovskij A.N. (1989). *Istoricheskaya poe'tika* [Historical poetics]. Moscow: Vysshaya shkola. 404 p. (In Russ.)

Veselovskij A.N. (1898). *Iz poe'tiki rozy'* [From the poetics of the rose]. In: *Privet. Hudozh.-literat. sbornik* ["Hello". Art and literature collection]. Sankt-Peterburgs.: izd. o-va vspomoshhestvovaniya nuzhdayushimsya ucheniczam Vasileostrovskoj gimnazii v Peterburge. Pp. 1–5. (In Russ.)

Ivanova E.R. (2023). *Florpoe'tika bidermejera i ee transformaciya v povesti Shtiftera* [Biedermeier's phloropoetics and its transformation in Stifter's Novella]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta texnologii i dizajna* [Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design]. № 3. Seriya 2: Iskusstvovedenie. Filologicheskie nauki. Pp. 91–97. (In Russ.)

Krasnova E.V. (2000). *Flamandskij stil' Oblomova: motiv "edy" i ego funkcii v romane "Oblomov"* [Oblomov's Flemish style: the motif of "food" and its functions in the novel Oblomov]. Moscow: Pervoe sentyabrya. (In Russ.)

Krasnoshchekova E.A. (1997). *I.A. Goncharov: Mir tvorchestva* [I.A. Goncharov: the world of creativity]. Sankt-Petersburg: Pushkinskij fond. 526 p. (In Russ.)

Lebedeva E.G. (2023). *Antropocentrizm predmetnoj detali v romane I.A. Goncharova "Obryv"* [Anthropocentrism of the subject detail in I.A. Goncharov's novel "The Precipice"]. In: *Materialy VII Mezhdunar. nauchnoj konferencii, posv. 200-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Goncharova* [Proceedings of the VII International Scientific Conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of I.A. Goncharov]. Ul'yanovsk, izd. Korporaciya texnologii prodvizheniya, 2023. Pp. 363–367. (In Russ.)

Loshakova G.A. (2011). *Ch. Silsfild, A. Shtifter kak prozaiki avstrijskogo bidermajera* [Siltsfeld, A. Stifter as the prose writers of the Austrian Biedermeier]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie. № 4.* Pp. 229–235. (In Russ.)

Mel'nik V.I. (2021). *I.A. Goncharov i Dante: voprosy' poe'tiki* [Goncharov and Dante: questions of poetics]. In: *Dva veka russkoj klassiki* [Two centuries of Russian classics]. Moscow. Vol. 3. № 4. Pp. 58–79. (In Russ.)

Mel'nik V.I. (2015). *E'voljuciya e'ticheskikh predstavlenij i fenomen "voli" v antropologii I.A. Goncharova* [The evolution of ethical concepts and the

phenomenon of “wil” in I.A. Goncharov’s anthropology]. In: *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. № 2 (36). Pp. 123–135. (In Russ.)

Mihajlov A.V. (1997). *Varianty' e'pichesкого stilya v literaturah Avstrii i Germanii* [Variants of the epic style in the literatures of Austria and Germany]. In: Mihajlov A.V. *Yazy'ki kul'tury'* [Cultural languages]. Moscow: Yazy'ki russkoj kul'tury'. Pp. 339–376. (In Russ.)

Mihajlov A.V. (2000). *Iogann Beer i I.A. Goncharov. O nekotory'h pozdних otrazheniyah literatury' barokko* [Johann Beer and I. A. Goncharov. On some late reflections of Baroque literature]. In: Mihajlov A.V. *Obratny'j perevod* [Reverse translation]. Moscow: Yazy'ki russkoj kul'tury'. Pp. 378–404. (In Russ.)

Poluboyarinova L.N. (1991). *Roman A. Shtiftera “Bab'e leto” (K probleme sootnosheniya individual'nogo stilya i stilya e'pohi)* [A. Stifter’s novel “Der Nachsommer” (On the problem of the correlation of individual style and the style of the epoch)]. In: *Literatura v kontekste hudozhestvennoj kul'tury'* [Literature in the context of artistic culture]. Novosibirsk: izd. Novosib.un. Vy'p. 1. Pp. 99–108. (In Russ.)

Pavlova N.S. (2005). *Priroda real'nosti v avstrijskoj literature* [The Nature of Reality in Austrian literature]. Moscow: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury'. 312 p. (Studia philological). (In Russ.)

Sejbel' N.E'. (2005). *Avstrijskaya parallel': A. Shtifter, G. Broh, R. Muzil'* [The Austrian parallel: A. Stifter, G. Broch, R. Musil]. Monografiya. Chelyabinsk: Chelyabinskij gos. ped. un. 290 p. (In Russ.)

Sejbel' N.E'. (2004). *Vospitatel'ny'e koncepcii A. Shtiftera, G. Flobera i I.A. Goncharova v romanah 1856–1858 godov* [Educational concepts of A. Stifter, G. Flaubert and I.A. Goncharov in the novels of 1856–1858]. In: *Filologicheskij klass: Regional'ny'j metodicheskij zhurnal uchitelej-slovesnikov Urala*. № 11. Pp. 39–46. (In Russ.)

Stroganova E.N. (2008). *Mif o Pigmaliione v romannoj trilogii I.A. Goncharova* [The idea of fusion in the novel trilogy of I.A. Goncharov]. In: *Materialy' Mezhdunar. nauchnoj konferencii, posv. 190-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Goncharova* [Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 190th anniversary of the birth of I.A. Goncharov]. Ul'yanovsk: Nika-dizajn. Pp. 215–222. (In Russ.)

Homyakov A. S. (1988). *O starom i novom. Stat'i i ocherki*. [About the old and the new. Articles and essays]. Moscow: Sovremennik. 465 p. (In Russ.)

Cejtlin A.G. (1950). *I.A. Goncharov*. Moscow: izd. AN SSSR. 492 p. (In Russ.)

Cherepanova E.S. (2013). “Zapozdaloe” *Prosveshhenie v Avstrii: filosofskoe vliyanie G.V. Lejbnicza, I. Kanta, I.G. Gerdera* [The “Belated” Enlightenment in Austria: the philosophical influence of G.V. Leibniz, I. Kant, I.G. Herder]. In: *Vestnik SPbGU*. Ser. 17. 2013. Vy'p. 2. Pp. 51–60. (In Russ.)

Sebald W.G. (1985). *Die Beschreibung des Unglücks. Zur österreichischen Literatur von Stifter bis Handke Theorie*. Salzburg, Wien: Residenz Verlag. 689 s.

Lindau M.-U. (1974). Stiftern "Nachsommer". Ein Roman der verhaltenen Rührung / Lindau M.-U. Bern: Francke Verlag, 1974. 154 s.

Ursula N. (1979). Adalbert Stifter. Stuttgart: Metzler.

Wiedermann E.S. (2009). A. Stiftern Kosmos. Frankfurt am Main: PeterLand. 255 s.

Сведения об авторе

Скворцова Анна Владимировна – кандидат философских наук; Российский технологический университет (МИРЭА); кафедра гуманитарных и социальных наук; научные интересы: философия, религиоведение, сопоставительное литературоведение.

Information about the author

Anna V. Skvortsova — PhD (Philosophy); Russian Technological University (MIREA); Department of Humanities and Social Sciences; Associate Professor; scientific interests: philosophy, religious studies, comparative literary studies.